

Социально-экологический кризис XV века и становление российской цивилизации

Существенную роль в жизни цивилизаций играют географические, климатические, демографические и прочие природные факторы. Изучение взаимных влияний общества и природы в рамках социоестественной истории позволяет глубже понять специфику исторического развития цивилизаций, рельефнее обрисовать картину переломных периодов, слабо освещенных письменными источниками. В частности, в подобных уточнениях, на мой взгляд, нуждается история средневековой Руси.

«Татарское иго» — период прозябания
или экономического благоденствия?

По замечанию В. Ключевского, стержневым процессом российской истории была колонизация новых земель. В XII—XV веках зона освоения переместилась с южных (позднее украинских) на северо-восточные, собственно российские земли. Надо отметить, что освоение славянами центра и севера Русской равнины шло двумя потоками. Колонизация была крестьянской и княжеской. Крестьяне бежали от княжеской власти. Следом двигались князья и сажали на новые земли зависимых от себя людей. Крестьяне двигались вдоль рек, в поймах которых вели интенсивное земледелие, а также углублялись в леса, где вели комплексное хозяйство, в основе которого были охота, собирательство и экстенсивное кочевое подсечно-огневое земледелие. Крестьянская колонизация шла по рекам — естественным путям сообщения, используя летом самый дешевый во все времена водный транспорт, а зимой — санный. По рекам строились города, села, деревушки, отдельные рыбацьи и охотничьи хижинки. Распахивались мысы рек и пойменные луга, которые в зоне неустойчивого земледелия были более доступны к освоению и давали наиболее устойчивые урожаи при тогдашней крайне низкой агротехнике. Основой плодородия была почва — наносные, аллювиальные отложения, ежегодно обновляемые илом во время паводков.

Князья предпочитали большие пространства свободных от леса земель — *ополей* и расширяли их сведением под пашню лесов. Технология земледелия, применяемая при княжеской колонизации, в отличие от крестьянской, была интенсивной — двух- и трехполье. Такая технология позволяла осуществлять концентрацию населения на небольших территориях, что и давало возможность княжеской администрации держать под своим контролем крестьян.

Кульпин Э. С. — доктор философских наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, руководитель Центра социоестественных исследований Академии городской среды.

Монгольское нашествие XIII века внесло коррективы в интенсивность и характер обоих колонизационных процессов. Монгольский каток проехался по *княжеским опольям*, но не мог сколько-нибудь существенно затронуть бедные и малочисленные селения, созданные в ходе крестьянской колонизации. На первых порах после нашествия княжеская власть была сильно ослаблена. Дружины князей (пожалуй, единственный в то время инструмент власти, поскольку церковь еще не была в состоянии оказывать сильное воздействие на умы людей) сильно поредели после кровопролитных сражений с кочевниками. Наступил период, возможно, максимальной независимости личности от власти в Восточной Европе.

Известно, что во время так называемого «татаро-монгольского ига» крестьянская колонизация успешно продолжалась. Однако теперь она была почти полностью переориентирована на экстенсивное кочевое подсечно-огневое земледелие. Стали осваиваться леса. В местах концентрации княжеской власти было тягостно от повинностей и беспокойно от междоусобиц, столь часто разрешаемых с помощью отрядов, которые князья вызывали из Орды. Население городов и вокруг них росло много медленней, чем в лесах. В XV веке 70% населения Северо-Западной Руси жило в лесных деревнях — в одно-двух дворах, всего же в лесных поселениях — в одно-двух и трех-четыре дворах — было сосредоточено 89% населения Руси. Специфический кочевой тип хозяйствования при подсечно-огневом земледелии делал крестьян если не полностью, то в значительной степени независимыми от власти бояр и князей. В населенных пунктах вне леса, насчитывающих более 50 дворов, жило 0,1% населения¹.

Из этих данных, полученных в результате многолетних археологических раскопок и анализа писцовых книг научным коллективом под руководством А. Шапиро, недвусмысленно следует, что история Руси, которую мы знаем, есть история древнерусского города, в котором жило менее 0,1% населения страны, а также история князей, бояр да княжеских крестьян, которых было около 1/10 общего числа жителей². Подавляющее большинство населения жило иначе — вдали от гнета бояр и князей, от яростных, кровавых и аморальных княжеских междоусобиц, в которых обязательно горели и грабились городские посады и попадавшие по дороге деревни, от нашествий степных карательных отрядов, наконец, от церковной пропаганды. Мы знаем о том, как жило меньшинство населения, и неправомерно распространяем наше представление о жизни меньшинства на все население, предполагая, что жизнью одной десятой русских людей жили все.

О том, как действительно жил народ, простой древнерусский человек, мы можем судить лишь по немногочисленным косвенным данным, прежде всего исходя из закономерностей жизни в эпоху подсечно-огневого земледелия и соответствующего типа поселений. Подсечно-огневое земледелие, как утверждает его исследователь археолог В. Петров, не просто определенная технология. Оно требует особого образа жизни и воспитывает специфический характер. Прежде всего земледелец должен иметь глубокие знания о жизни леса во всех ее проявлениях. Крестьянин должен быть не только и не столько земледельцем, сколько охотником, собирателем даров природы, постоянно наблюдающим округу радиусом в 50 км. Таковы размеры вмещающего ландшафта, жизненного пространства одной семьи. Эту территорию крестьянин должен был знать, как свои пять пальцев, изучить и запомнить, что, как и где растет, какие где почвы и какова гидрология, каков микроклимат в

¹ См. Аграрная история Северо-Западной Руси. Вторая половина XV — начало XVI века. Л., 1971, с. 324.

² См. Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI веков. Л., 1977.

отдельных вмещающих ландшафтах. При подсечно-огневом или лесном земледелии человек живет с лесом одной жизнью и вся названная территория — его дом, в котором при необходимости он и его семья могут укрыться от кого угодно, в том числе от государства, феодалов и иноземных захватчиков³

Крестьяне в лесу жили фактически догосударственной жизнью, парными или большими семьями, вне сферы власти и давления общины, отношений собственности и эксплуатации. Подсечное земледелие строилось как система хозяйства, основанная на отсутствии собственности на землю и лес. При необходимости крестьянской семьей захватывался и расчищался новый участок в лесу, стволы деревьев при этом подсушивались и сжигались, зола вносилась в почву. Земля обрабатывалась мотыгой или бороновалась «суковакой», и участок был готов для эксплуатации в течение трех-четырёх лет, после чего почва истощалась и необходимо было осваивать новый участок, переходя на новое место. «После того как подсеку забрасывали... угодье вновь становилось ничейным. Подвижность крестьянина (отсутствие у него постоянного жилья) вытекало непосредственно из производственной структуры подсечного земледелия. Для крепостного крестьянина, работавшего на барина на надельной земле, подобная подвижность была исключена»⁴.

Для осуществления самой трудоемкой операции при подсечном земледелии — валки леса — был нужен полный состав большой патриархальной семьи, но — что важно — не рода. Трудозатраты на единицу площади при подсечно-огневом земледелии были больше, чем при пашенном, примерно вдвое, но отнесенные к полученному урожаю, как показано ниже, они меньше в 1,5—15 раз.

Проанализировав большое число источников, Петров писал, что «почти всегда можно получить 100 пудов при посеве 3 пуда на десятину, с плодородных лесопарков... можно снять до 150 пудов ржи с десятины, посеяв пуда 2—3»⁵. Это означало получение урожая сам-30-75 (а порой и сам-100), совершенно невероятного в условиях пахотного земледелия (правда, при использовании гораздо большей территории из-за необходимости перемещать обрабатываемые участки с места на место).

Для сравнения: согласно писцовым книгам, средний урожай на пашне в XIV—XV веках составлял сам-3-5, максимальный — сам-6-9, минимальный — сам-2. На лучших пойменных землях, удобряемых естественным путем — весенним илом («поилком»), средний урожай ржи был сам-4, овса — сам-3, высокие урожаи для ржи — сам-7⁶. Даже в XVIII веке, когда уже достаточно широко применялся в качестве удобрения навоз, средний урожай на пашне — сам-3, на паре — сам-6.

Приведенные данные позволяют сделать вывод: *неурожай* на десятине подсеки соответствовал в средневековье *хорошему* или даже *максимальному* урожаю на десятине пашни! В рассматриваемое нами время для семьи из 5 человек нужно было 75 пудов зерновых. При плохом урожае в условиях подсечно-огневого земледелия (сам-10 на «кубышах») получали 40 пудов с десятины⁷. В этом случае на семью нужно было засеять две десятины. При пожоге векового леса для семьи достаточно было одной десятины. Согласно технологии подсечно-огневого земледелия, минимальный размер одной новины (нивы, ляды) составлял 0,75 десятины. Известно, что одна семья имела не одну ниву в лесу, а несколько. Таким образом, при подсечном земледелии

³ См. Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

⁴ Там же, с. 13.

⁵ Там же, с. 90.

⁶ См. Аграрная история...; Шапиро А. Л. Указ. соч.

⁷ См. Шапиро А. Л. Указ. соч., с. 14; Петров В. И. Указ. соч., с. 177.

крестьянин застраховывал себя практически от *любых* неурожаев. Действительно, столь частые в средневековье голодовки имеют своим адресом не лес, а пашни, где крестьянской семье нужно было иметь минимум 6 десятин.

С точки зрения А. Черепнина и многих других историков, переход от подсечно-огневого к пашенному земледелию был благом. Особенно негативно о лесном земледелии отзывается Г. Кочин: «Подсечно-огневое земледелие, по существу, было таким, что не могло ни совершенствоваться, ни улучшаться. Экстенсивное по своему характеру, оно связывалось с хищническим истреблением лесов»⁸.

С последним утверждением, конечно, нельзя не согласиться, но с первым трудно, учитывая производительность лесного земледелия — свидетельство высокой технологии. Лесное земледелие требовало того, что для нашего времени называется *сложной рабочей силой*: глубокого понимания жизни леса, знания его законов, умения творчески их использовать.

Из приведенных выше аргументов следует, что в период XIII—XV веков в Северо-Восточной Руси имели место такие факторы, как:

— отсутствие дефицита плодородных земель и возможность неограниченной занятости производительным трудом и пользования благами охоты, собирательства, рыболовства;

— эксплуатация технологии, позволяющей иметь производительность труда в земледелии наивысшую за всю историю России, возможно, превышающую современную по зерноводству;

— реальная возможность вознаграждения упорного труда обеспеченным, безбедным существованием, отсутствие сколько-нибудь существенных налогов и, возможно, полное отсутствие повинностей для лесных людей;

— полная свобода землепользования при отсутствии реальной собственности на землю;

— независимость подавляющего большинства населения от княжеской власти и давления общины, максимальная раскрепощенность личности.

В целом похоже, это время было периодом *наибольшего благоденствия* для большинства живущих на территории Северо-Восточной Руси, не исключено, и всей Руси за всю историю Восточной Европы нашего тысячелетия.

Однако как такие выводы согласуются с общепринятыми представлениями о черных веках татаро-монгольского ига? Или эти представления — выдумки традиционной имперской историографии, не имеющие ничего общего с действительностью? Но исторические свидетельства летописей о кровавых междоусобицах князей, нашествиях карательных отрядов Орды, периодических, хотя и редких в сравнении с последующими веками, неурожаях и голодовках, наконец, Куликовская битва вряд ли могут быть подвергнуты сомнению. Тогда мы имеем *две правды* и *две истории* Северо-Восточной Руси: одну для лесного человека, хозяйствующего по технологии подсечно-огневого земледелия, и вторую для князей, церкви, горожан, крестьян ополчий, хозяйствующих по технологии пашенного земледелия. Первая практически никому не известна, вторая — известна всем чуть ли не с пеленок. Первая есть история большинства населения Руси, вторая — меньшинства, возможно, ничтожного, но по умолчанию (другая-то история практически не известна) распространяемая на весь этнос.

Ю. Алексеев пишет: «Борьба соперников — московских, тверских, суздальских князей — за заветный ярлык на великое княжение наполняла весь тревожный XIV век, сопровождалась поездками в Орду, унижительным выклянчиванием милостей хана, заискиванием перед его советниками (с подношением щедрых подарков), картинами кровавых расправ и вероломств.

⁸ Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI века. М.-Л., 1965, с. 129.

Распоряжение великокняжеским столом, верховный арбитраж в спорах между русскими князьями — именно это, а не получение дани было самым главным, самым тяжелым признаком векового владычества ордынских ханов над Русской землей»⁹. Если арбитраж между десятком князей (а не дань, налагаемая на всех) был «самым главным, самым тяжелым признаком» «ига», то известная нам история Руси — это не история народа, а история десятка князей и привлеченных ими к решению своих проблем нескольких тысяч так или иначе зависимых от них людей.

Социально-экологический кризис XV века

Безопасность, устойчивость существования, высокие урожаи, получаемые при подсечно-огневом земледелии, обусловили темпы роста населения, немислимо высокие не только для Западной Европы того времени, но и для всех стран и народов средневековья: в XV веке население Северо-Западной Руси без малого удвоилось¹⁰. Эти высокие темпы роста населения привели Русь к кризису: были исчерпаны возможности технологии подсечно-огневого земледелия, требовавшего в десятки раз больше пространств земли, чем при пахотном.

В конце XV века Русь была *вынуждена* перейти к технологии пашенного земледелия. Переход означал снижение производства зерновых — основы средневековой экономики — в 3—5 раз. Это падение произошло быстро, возможно, в ходе смены двух-трех поколений — за 40—50 лет. Ситуацию усугубило ухудшение климатических условий. После длительного периода климатического оптимума новой эры (с VIII века) в середине XVI века начался так называемый «малый ледниковый период». Переход от благоприятных климатических условий к неблагоприятным пришелся на XV век. Для любого переходного периода характерны высокая степень неустойчивости погоды, экстремальные природные явления: засухи, наводнения, бесснежные морозные зимы. В XV веке общие закономерности еще раз подтвердились. Резкое ухудшение условий существования требовало кардинальных решений.

Хозяйственный кризис, спровоцированный демографическим ростом и невозможностью далее эксплуатировать основную технологию земледелия (технологический кризис), ухудшение природных условий (для общества — это экологический кризис, для природы — лишь смена режима функционирования, но и природа испытывала стресс — антропогенизацию ландшафта) обусловили экономический, политический и идеологический кризисы. Экономический кризис выражался в падении уровня и качества жизни, политический — в неспособности господствующих слоев поддержать прежний уровень жизни населения без радикальных социально-экономических и социально-политических реформ. Эти реформы требовали идеологического обоснования, что означало пересмотр если не всей системы ценностей, то некоторых центральных ее элементов. Все это вместе составляло социально-экологический кризис, *самый тяжелый вид* кризиса, который время от времени переживает общество. Такой кризис обязательно требует выбора нового вектора эволюции. От того, каким будет выбор, зависела судьба русского этноса и в конечном счете — суперэтноса, цивилизации.

Выйдя из леса, точнее, сведя леса, соединив селения дорогами, к середине XV века лесные в прошлом жители, возросши численно, стали сельскими, деревенскими. Одинокий лесовик, в недавнем прошлом член либо парной семьи, либо большой патриархальной семьи, стал членом социума — соседской общины и оказался вовлеченным через церковь и государство в жизнь всего

⁹ См. Алексеев Ю. Г. Государь Всея Руси. Новосибирск, 1991, с. 64.

¹⁰ Подсчитано по: «Аграрная история...», с. 323.

этноса. С этого момента редкая и разорванная ткань этноса стала более плотной и непрерывной. Одной жизнью начали жить и разбросанные на больших пространствах лесные люди, и люди, живущие компактно в городах и опольях. Собственно говоря, именно тогда была создана материально-пространственная основа общества. Теперь уже нельзя вести речь о двух историях этноса. История этноса становится единой.

Но и былая защищенность лесовика от внешних и внутренних врагов осталась в прошлом, а доступность обложению налогами и повинностями со стороны мелких и крупных феодалов резко возросла. При столь быстрых переменах во многих сферах жизни человек не мог избежать стрессового состояния и не стремиться к выходу из него. Далее сработало универсальное правило: если общество не может найти выхода из кризиса (точнее, его рядовые члены не могут сами остановить падение уровня и качества жизни), оно делегирует свои права государству. Рядовой крестьянин второй половины XV века, в отличие от предков XIII—XIV веков, выбирал не между свободой и зависимостью, а перед ним был выбор подчинения: боярину, монастырю или государю.

Как показало развитие политических событий второй половины XV века, создание централизованного государства если и не отвечало прямо, то никак не противоречило желаниям большинства населения, тем более что государство на первых порах не слишком ущемляло свободного трудящегося человека. «Центральная государственная власть не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности» и, согласно Судебнику 1497 года, санкционировала обязательное участие в процессе принятия решений на локальном уровне представителей местных «миров»¹¹. Как полагает, например, Алексеев, крестьяне явно предпочитали государя вотчиннику. «Переход на черные (государственные) земли давал крестьянам свободу от власти вотчинной администрации, от выплаты ренты в пользу землевладельца. Хотя на черных землях крестьяне несли все повинности в пользу феодального государства и выплачивали налоги, а в вотчине пользовались в этом отношении льготами, в XV веке, как правило, они стремились жить именно на черных землях, отстаивая свою относительную свободу»¹².

Самодержавное русское государство в XVI веке получило неограниченные права; самостоятельность государства по отношению к обществу стала максимальной из всех мыслимо возможных вариантов тогдашнего состояния этноса. Полномочия, полученные Московским государством во время первого социально-экологического кризиса, на века (во многом вплоть до настоящего времени) определили путь развития Российского государства и общества, характер сложения суперэтноса и современный (второй по счету) социально-экологический кризис.

Государство должно было решить проблему сдерживания быстрого падения уровня и качества жизни массы населения. Решить ее можно двояко. Предложить обществу искать новую, более производительную, интенсивную технологию земледелия или ввести в оборот новые природные ресурсы, пойти по пути экстенсивной технологии. Современное государство выбрало бы первый путь, но средневековое могло предложить только второй: ограбление соседей и захват их природных ресурсов. В результате колонизация земель, закончившаяся в Западной Европе к XIII веку, в России продолжалась еще многие века и стала стержнем всей истории страны.

---

¹¹ Покровский Н. Н. От редактора. В кн. Алексеев Ю. Г. Государь Всея Руси, с. 6, 7.

¹² См. Алексеев Ю. Г. Указ. соч., с. 57.

Экстенсивный путь развития хозяйства и его духовные предпосылки

Для того чтобы развивать интенсивное производство, необходимы особое духовное состояние, становление этики, превращающей труд из бытовой нормы в одну из главных духовных ценностей культуры. Такая этика стала складываться в Западной Европе еще во время первичной распашки ее земель в XII—XIII веках и окончательно утвердилась в период Реформации в форме протестантской трудовой этики. Кардинальные сдвиги во всех сферах жизни, определившие переход от феодального к буржуазному обществу, стали возможны лишь после того, как труд стал самоценным, вошел в систему главных ценностей европейской цивилизации. Именно тогда значимость каждой конкретной работы стала определяться спросом и предложением на рынке, весомость же труда в глазах окружающих — его результатами, а не целями, т. е. тем, что он есть, а не тем, ради чего он совершался. В эпоху распашки XII—XIII веков превращение труда в одну из высших ценностей в Западной Европе способствовало быстрому росту уровня и качества жизни, а также установлению социально-экологической стабильности. Хотя последняя была не абсолютной, а относительной и, самое главное, кратковременной — на два с небольшим века, — важно, что она была достигнута. Во всяком случае можно констатировать наличие основных ее параметров.

В Восточной Европе итоги, как известно, были иными. Социально-экологическая стабильность здесь не была достигнута прежде всего потому, что территория расселения великорусского этноса не оставалась неизменной после распашки XIV—XV веков, но с XVI века стала увеличиваться и возрастала до конца XIX века. После кратковременной экономической стабильности при Иване III, которая могла бы стать основой социально-экологической стабильности, произошло разорение земледельческих хозяйств (крестьянских и боярских) при Иване IV, а после его смерти — экономический и политический кризисы, так называемое «смутное время».

Отличия в истории европейской и российской цивилизаций в значительной мере определялись разной ролью *христианской веры* и монастырей в жизни соответствующих культур. Если в Европе монастыри стали первой организационной формой утверждения новой трудовой этики и подкреплявшего ее идеала «молись и работай», то в России этого не произошло. Отчасти это было связано с глубокими традициями язычества в русской народной культуре. В центре деятельности людей, в том числе священнослужителей православной церкви, еще в XV—XVI веках стояла не трудовая, а магическая практика. «Культ мертвых, имевший такую силу в дохристианскую эпоху, сохранился в неприкосновенности до второй половины XVI века... Вера в единение мертвых с живыми и в огромное практическое значение культа мертвых была неискоренима и поддерживалась клиром... В крестьянской среде с попами конкурировали ведуны и колдуны, и чтобы выдержать конкуренцию с последними, представителям клира приходилось перенимать у них «волхования и чарования всякие»...

От отправителей христианского культа на Руси требовалось знание языческих обычаев и магических формул. «Даже в XVII веке жили еще не только анимистические представления, но сохранялись и старинные культы березки, домашнего, водяного, а местами даже Перуна и Хорса, которым «подкладывались требы». Священник мог прожить своей профессией, только пройдя всю науку волхвов». В отличие от этой «науки», которая была жизненной необходимостью, как ни парадоксально, ежедневное чтение священного писания и соблюдение норм христианской морали не были обязательными даже для клира. «Низший клир был малограмотным или вовсе безграмотным, учился службам со слуху», высший отличался «величайшей распушенностью». Мирянин «искал близкого бога, который был бы всегда,

во всякое время и без особых трудов доступен просьбам верующего», абстрактный бог был ему непонятен. Икона была самым распространенным объектом культа. Человек обращался не к богу, а к иконе. «Иностранцы, бывавшие в русских церквях той эпохи во время богослужения, видели непостижимую для иностранного наблюдателя картину молящихся, обращенных в разные стороны и стоящих каждый перед своей иконой. Для тогдашнего общества икона была подлинным фетишем, она видит и слышит, живет и чувствует». В оплату за заботы икона должна была помогать ее владельцу, а если не выполняла своей функции, «хозяин был вправе отказать ей в дальнейшем культе»¹³.

Если к занятию волхованием рядовой священник вынужден был подходить со всей серьезностью, то христианские обряды такого подхода не требовали. В результате «на почве формального благочестия выросло своеобразное многогласие: так как службы были длинны и утомительны, а пропусков не полагалось, то, чтобы пропеть и прочесть возможно скорее все положенное по уставу, несколько причетников одновременно пели и читали молитвы и псалмы: один — одно, другой — другое. Молящиеся же, придавая всю силу именно формулам, держали себя в церкви, как на базаре, и стояли в церквях в шапках, громко разговаривали и сквернословили; попы совершали богослужения в пьяном виде, заводили между собой ругань и драки „даже до кровопролития“»¹⁴. Разумеется, при подобных картинах говорить о сколько-нибудь глубоком приобщении русских людей того времени к одной из мировых религий просто не приходится.

Однако и в России существовали довольно влиятельные духовные движения, способствовавшие зарождению новых форм трудовой этики, соединению практики труда и спасения души. Прежде всего речь идет о традиции византийского исихазма, проявившейся в русском «нестяжательстве» XV—XVI веков. Становление этого идеологического направления в православии было связано с широким развитием монашеского движения в стране.

Ключевский отмечал, что до переломного момента в XIV веке монастырей на Руси было мало, что «первоначально они идут вслед за русско-христианской жизнью, а не ведут ее за собою, не вносят ее в пределы, дотоле ей чуждые... Почти все эти монастыри ютятся внутри городов или жмутся к стенам, не уходя от них далеко в степную или лесную глушь», являясь «пока спутниками, а не проводниками христианства». В X—XII веках из 100 известных монастырей «лесных пустыней» было менее десятка.

Лишь «с XIV века мы замечаем важную перемену в способе распространения монастырей. Движение в лесную пустыню развивается среди северного русского монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшие в этом веке, числом сравнялись с новыми городскими (42 и 42), в XV веке превзошли их более чем вдвое (57 и 27), в XVI веке — в полтора раза (51 и 35). Таким образом, в эти три века построено было — в пределах Московской Руси — 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастыря...

Первой хозяйственной заботой основателя пустынного монастыря было приобретение окрестной земли, обработка ее — главным хозяйственным делом собирающейся в нем братии. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь сам обрабатывал ее, всем своим составом, с устройтелем во главе выходя на лесные и полевые работы... Как и в Западной Европе «монахи расчищали лес, разводили огороды, пахали, косили, как и крестьяне». Вскоре «вокруг пустынного монастыря образовывались мирские, крестьянские

¹³ Никольский Н. М. Реформа Никона и происхождение раскола. «Три века. Россия от смуты до нашего времени». Т. 2. М., 1991, с. 7—11.

¹⁴ Там же, с. 10.

селения, которые вместе с иноческой братией составляли один приход, тянувшийся к монастырской церкви»¹⁵.

Из приведенных положений следует, что распространение христианства среди основной массы населения было самым непосредственным образом связано с монастырской колонизацией лесов. Ключевский подчеркивал, что колонизационные потоки крестьян и монахов шли с XIV века одновременно и в одном общем русле: они «были попутчиками, шедшими рядом либо один впереди другого». Этот колонизационный процесс вовсе не был мирным. Столкновения колонизаторов с местными землевладельцами и «сельскими обществами» были типичными. Как выше отмечалось, «пустых» земель на Руси уже не было, более того, возник *острый дефицит* земли, необходимой для лесного земледелия. Колонизаторы — монах и крестьянин пашенного земледелия — приходили на земли, уже освоенные лесными людьми, которые составляли в конце XV века основную часть населения.

Распашка лесов под пашенное земледелие осуществлялась в процессе жестокой борьбы «человека города» (т. е. людей, жизнь которых проходила вне леса: горожан, духовных и светских феодалов, монахов, крестьян ополций), человека подневольного, впоследствии «государственного», против слегка охристианенного язычника, свободного, независимого, самостоятельного, естественного хозяина леса. Человек города уходил вовсе не в «пустынь», а во вмещающий ландшафт хозяйствующего лесного человека. Человек города не понимал лесного человека, не признавал его прав, боролся с ним, лишал его традиционных средств существования. За человеком города стояла концентрированная военная сила крупных феодалов, а со второй половины XV века — государство. В целом можно говорить, что средневековый русский человек города вел себя в лесу как классический колонизатор.

Лесной человек исторически был обречен собственным демографическим ростом, разрушением равновесия между численностью населения и возможностями вмещающего ландшафта, эксплуатируемого по неизменной технологии. Он был обречен стать человеком пашенного земледелия. Но каким? С какими представлениями о мире и о себе? Здесь многое зависело от того, какими были подобные представления у человека города и ополчья и каковы были идеалы и практика главной идеологической силы средневековья — церкви.

Основной конфликт в жизни тогдашней русской церкви — борьба «нестяжателей» и «иосифлян». В этой борьбе для нас важны позиции сторон по отношению к роли труда, его месту в системе ценностей. Одной из причин столкновений между нестяжателями и иосифлянами был вопрос об обязательности производительного труда для людей, посвятивших себя богу.

Главным идеологом *нестяжательства* был духовный наследник Сергия Радонежского Нил Сорский, происходивший из московской семьи, близкой к великокняжеской фамилии. Он сознательно отказался от мирской карьеры и основал свой скит вдали от поселений на р. Сорке, в низменной заболоченной местности, где летом вились тучи комаров. Создание скита имело целью восстановить утраченный в «общежительских» монастырях идеал общинной жизни, провозглашенный Сергием Радонежским и включивший в себя принципы равенства, обязательного труда и самоотречения¹⁶. Нил Сорский в своем скиту упразднил установившиеся в других монастырях нормы подчинения рядовых монахов игумену-управителю или учителю-наставнику. Центральным в его учении был идеал общего труда во имя спасения души. «Служение ближним приобретало чистый вид: «брат братом помогает». Нил звал к

¹⁵ Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти томах. Т. 2, ч. 2. М., 1988, с. 231—233, 237, 246.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV—XV веков. «Подвижники русской церкви». Новосибирск, 1991, с. 98, 108—110.

отказу от богатств... Монахам следовало жить в пустынях и кормиться от праведных трудов своего рукоделия. При этом физический труд выступал лишь предпосылкой труда духовного, «умного делания»¹⁷.

Отсюда видно, как близко учение Нила Сорского стояло к идеологическим постулатам западноевропейской церкви — спасению через труд, идеалу «молись и работай», т. е. к тем идеям, воплощение которых в жизнь обеспечило Западной Европе «прорыв» в будущее, заложило основы «духа капитализма». Идеал «молись и работай», через работу обретай спасение души, означал, что простой человек не делегирует свои права наверх, а сам решает все возникшие перед ним проблемы, решает «здесь и теперь», не откладывая на завтра, не перенося решение в другое место, т. е. делает выбор между рабством и свободой в пользу свободы, между интенсивным и экстенсивным путями развития хозяйства в пользу интенсивного, между решением своих проблем самостоятельно и их решением с помощью других людей, социальных слоев, этносов в пользу самостоятельности.

Однако на деле победило другое направление, представленное иосифлянами. Их лидером был игумен Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий, в миру Иосиф Санин. В его идеологии положительный идеал созидания был подменен отрицательным идеалом *повиновения* и *покаяния*. Он не считал физический труд обязательным для монахов, но требовал от братии строгой дисциплины. «Ни одна обитель не имела более строгого устава, чем Иосифов монастырь. Подробный свод всевозможных запрещений служил как бы подпоркой твердого монашеского жития. Санин верил в грозного судию Христа Вседержителя, карающего мировое зло... Подвиги монахов... носили традиционный характер. Особое место среди них занимали не требовавшие большой душевной работы (как у Нила Сорского.— Э. К.), но крайне утомительные поклоны... Виновный должен был отбить 50—100 поклонов. В исключительных случаях инока приговаривали к «сухоядению», некоторых сажали «в железо». Новшества Санина снискали его обители славу по всей Руси»¹⁸.

Победа иосифлян означала, что главная ценность христианства — спасение души после смерти,— с одной стороны, и труд как ценность, с другой стороны, были отделены друг от друга, даже противопоставлены друг другу. Основной формой деятельности по спасению души в православии стала *заупокойная молитва*. Это вело к снижению нравственного уровня общества, так как позволяло людям меньше думать о своих грехах в надежде, что они будут замолены другими после их смерти. Эту обязанность брали на себя монахи, и поэтому богатые люди завещали монастырям свои земли, крепостных, денежные средства, другие материальные ценности. Монастыри богатели, монахи же при этом все больше отдалялись от идеала труда.

Историк Р. Скрынников так описывал этот процесс: «Состоятельные люди усвоили своеобразный взгляд на грех и покаяние. Любой грех они надеялись после кончины замолить чужой молитвой. Власть и преступления были нераздельны, а потому князья на старости лет щедро наделяли монастыри селами, выдавали им жалованные грамоты. Их примеру следовали другие богатые землевладельцы... Монахи назначали все более крупные суммы за внесение имени умершего в монастырские поминальные книги — синодики. Монахи, удалившиеся от мира во имя духовного подвига, стали вести жизнь, весьма далекую от идеалов иноческой подвижнической жизни. Вместо того чтобы кормиться «рукоделием», они предавались стяжанию, собирали оброки с крестьян, вымогали пожертвования у вдов, вели вполне мирской образ жизни. Старцы не жалели усилий на то, чтобы приумножить свои владения.

¹⁷ Там же, с. 98.

¹⁸ Там же, с. 102.

Они вели торговлю, занимались ростовщичеством, «а полученные деньги тратили на приобретение недвижимости»¹⁹.

Однако надо оговориться, что и возможная победа нестяжателей на церковном соборе 1503 года (в случае выздоровления их заболевшего покровителя Ивана III) вряд ли привела бы к утверждению новой трудовой этики в России. Это была бы уже не столько их победа, сколько побед; великого князя. Целями же последнего были не освобождение крестьян и утверждение ценности труда как такового, а захват монастырских земель и имущества для раздачи дворянам в поместья. (Вспомним, что в Западной Европе приход крестьян в монастыри, где труд был всеобщей обязанностью означал для крестьян обретение свободы от феодалов²⁰. Такую свободу от себя самого Российское государство дать крестьянам не могло.) Западноевропейский идеал «молись и работай» не стал императивом в русских монастырях а следом за этим и для русского человека, что обусловило далеко идущие» (вплоть до наших дней) последствия.

Поздний приход в русскую общественную жизнь нестяжателей — главная причина, обусловившая их поражение. Великая русская распашка — процесс в ходе которого могла сложиться новая этика — была уже на исходе, когда интеллектуальная элита общества стала пропагандировать новые ценности. В результате труд не вошел в систему основных духовных ценностей русского человека. Ценность личности лишилась важной идеологической базы и уже не могла стать ценностью номер 1, что обусловило становление в качестве главной ценности этноса, а затем и суперэтноса ценности государства. Монастыри не столько служили нуждам простых людей, сколько эксплуатировали последних. Черное крестьянство лишилось возможности иметь экономически и юридически сильного, да к тому же (что немаловажно для того темного времени) грамотного защитника своих интересов перед всевластным могуществом государства.

***

Таким образом, можно сказать, что события социально-экологической кризиса XV века были центральными в процессе формирования российской цивилизации. С ним был связан переход от разорванности общества культуры на две несовместимые одна с другой части (крестьян-полужытчиков — обитателей лесов и христиан — обитателей городов и зон пашенного земледелия) к единству российского общества. В тот же период утвердилась особая роль Российского государства в жизни общества. Выбор между интенсивными или экстенсивными формами экономики был сделан в пользу экстенсивных ее форм. Следствием этого явилось превращение кратковременного для Западной Европы процесса — колонизации и распашки земель — в длительный, стержневой для истории России процесс. Присоединение всё новых земель обусловило специфические политические, социальные этнические проблемы, затруднило складывание российского суперэтноса реформирование общественного и государственного строя, что привело, частности, к современному кризису в развитии страны.

---

¹⁹ Там же, с. 109.

²⁰ См. К у л ь п и н Э. С., П а н т и н В. И. Решающий опыт. М., 1993, с. 28.